



МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКЕ — 35 ЛЕТ

Глазами художника

Безбрежные степи табуны да редкие кочевья — вот чем славилась раньше Монголия. Прошли годы. Ныне каждодел, кто побывает в социалистической Монголии, поразят новые нарядные города, народные стройки и, главное, люди, новых лиц свободной страны. И хотя еще можно видеть, как старое, отживающее подчас прищупло соседствует рядом с бурно расцветшим новым, мы знаем: пройдет немного лет, и старое наследство перекочует в музей.

Сегодня мы публикуют работы художника Павла Фёдоровича Судакова, недавно вернувшегося из поездки по Монголии.

Вверху — «Портрет молодого агронома». Справа — «Площадь Сухэ-Батора в столице МНР». Внизу — «Старое и новое».



29 ноября — 14 лет со дня провозглашения Федеративной Народной Республики Югославии

ВЕРНОСТЬ РЕАЛИЗМУ

ЭТИ две книги югославских авторов, изданные недавно на русском языке, очень различны по своему характеру, манере, написаны в разное время. Одна из них — «Прорыв» Бранко Чопича — широко задуманный роман о народно-освободительной борьбе в Югославии, книга, созданная современным писателем, воссиявшим свое творчество одной теме. Другая — «Ландышы» Прежихова Вораница — сборник небольших повестей и рассказов, часто лирико-философских по складу, многие из которых повествуют о событиях тридцати-сорокалетней давности. Б. Чопич активно работает в литературе, недавно вышел его новый роман «Невзорвавшийся порох», Прежихов Вораница ушел из жизни несколько лет назад.

...Неподражаем один из другого писатели, разные книги. И тем не менее, прочти их, обязательно улавливай то общее, что родит авторов, — непрятательность изложения, стремление выразить чувство простого человека труда, кровную связь с буднями югославского народа, непогоримость национального колорита. По книгам ясно ощущаешь, что оба эти писателя — союзники на литературном фронте, реалисты по самой природе своего творчества и художественного мировоззрения. Их произведения — зрямое воплощение реалистических традиций литературы прошлого, богатой крупными именами. Их книги продолжают и развиваются эти традиции. Казалось бы, есть ли смысл подчеркивать столь «далекое родство» писателей разных поколений югославской литературы? Да! Лишь это обстоятельство что-либо для понимания ее сегодняшних проблем и путей развития? Да, даст.

«В стаях и дискуссиях о реализме на страницах наших журналов реализм подвергался нападкам и критике. Ему предъявляются многие серьезные обвинения. Ему приписывается, например, то, что якобы основывается только на предметном в природе, на подражании, что он предпочитает все внешнее. Его обвиняют в том, что он представляет собой в большей мере отражение предметов и в меньшей — их выражение. Утверждают, что эстетические теории и творческие принципы реализма слились для понимания ее сегодняшних проблем и путей развития? Да, даст.

...Неподражаем один из другого писатели, разные книги. И тем не менее, прочти их, обязательно улавливай то общее, что родит авторов, — непрятательность изложения, стремление выразить чувство простого человека труда, кровную связь с буднями югославского народа, непогоримость национального колорита. По книгам ясно ощущаешь, что оба эти писателя — союзники на литературном фронте, реалисты по самой природе своего творчества и художественного мировоззрения. Их произведения — зрямое воплощение реалистических традиций литературы прошлого, богатой крупными именами. Их книги продолжают и развиваются эти традиции. Казалось бы, есть ли смысл подчеркивать столь «далекое родство» писателей разных поколений югославской литературы? Да! Лишь это обстоятельство что-либо для понимания ее сегодняшних проблем и путей развития? Да, даст.

...Неподражаем один из другого писатели, разные книги. И тем не менее, прочти их, обязательно улавливай то общее, что родит авторов, — непрятательность изложения, стремление выразить чувство простого человека труда, кровную связь с буднями югославского народа, непогоримость национального колорита. По книгам ясно ощущаешь, что оба эти писателя — союзники на литературном фронте, реалисты по самой природе своего творчества и художественного мировоззрения. Их произведения — зрямое воплощение реалистических традиций литературы прошлого, богатой крупными именами. Их книги продолжают и развиваются эти традиции. Казалось бы, есть ли смысл подчеркивать столь «далекое родство» писателей разных поколений югославской литературы? Да! Лишь это обстоятельство что-либо для понимания ее сегодняшних проблем и путей развития? Да, даст.

Интересно отметить, что характер реализма П. Вораница с годами менялся; если первые его вещи — сочные картины быта и правов, то последний цикл рассказов — «Ландышы» — скорее лирическая проза, очень поэтичная и насыщенная мыслью. Может быть, в этой многогранности дарования икроется секрет большой популярности писателя, со страниц книг которого слышатся, как он писал, «боевой клик закопченных куниц, черных стволов шахт, выжженных меж, урезанных нив, заброшенных пашен и стерни с жалкими копнами пшеницы...»

«Прорыв» Бранко Чопича написан в совершенно ином, повествовательном ключе. Это полотно народно-освободительной борьбы в Боснии дает наглядное представление об умонастроениях крестьян в годы войны, о трудностях первых лет и постепенном объединении людей перед лицом общей опасности. Книга Чопича перед нами. Здесь нет нужды в обстоятельный характеристике, коснемся лишь некоторых их сторон.

Бесхитростны сюжеты рассказов Прежихова Вораница, бесхитростны, как сама жизнь его герояев. Презрение, насмешки и побои — таков удел Меты, но побои не были — чисто народные характеры, привлекающие самобытностью и нравственной чистотой. Этап за этапом прослеживая развитие народного восстания, крутые судьбы его участников, Бранко Чопич реалистически раскрывает перед читателем самую сущность движения... Выразительность колоритности многих образов, таких, как Радекин, Урош, Тодор Бокан, Николетина Бурсац, сущность искристости народной речи, правдивый рассказ о борбе народа — все это ставит «Прорыв» Бранко Чопича в число произведений, завоевавших заслуженное признание читателей.

Составляется книга Прежихова Вораница и Бранко Чопича, мы находим в них реалистическое отражение жизни югославского народа в разные периоды его живой истории. Их произведения говорят о том, что сколь бы ни нападали модернисты на минимум «старомодности» реализма, на деле реалистический метод открывает перед художником огромные возможности богатого, всестороннего изучения и показа процессов современности. Интересные и яркие книги Прежихова Вораница и Бранко Чопича — тому свидетельство.

А. ЮГИН

ВСТРЕЧА С АНГЛИЙСКОЙ КНИГОЙ

У НЕСКОЛЬКО дней москвичи знакомятся с выставкой английских писателей. Д. Брэйна, Д. Уайзмана, Г. Грина, Р. Фуллера, А. Мердока, У. Алленса... Из литературно-критических работ вызывают интерес труда известного английского литературоведа А. Кеттла, посвященного современному английскому роману, книга Д. Феллса, «Джюльес Форд» и другие. Рукописи и архивы XIX века на выставке, некоторые английские писатели. Внимание посетителей неизменно привлекает высокий уровень полиграфического мастерства. Книги превосходно изданы и оформлены. Особенно богаты и красочны отдел искусства и архитектуры, отдел детской книги.

Выставка английской книги безусловно послужит делу дальнейшего укрепления культурных связей между нашими странами. Об этом свидетельствуют искренние, сердечные слова, оставленные посетителями в книге отзывов.

Тонкое своеобразие всему дневнику придает попытка автора завершить во время поездки начатую еще на суще писсу. Этот творческий, глубоко интимный процесс изливается в дневнике страстными рассуждениями об искусстве. Я не знаю, написал Юхан Смуулу птицы или нет. Но все, что он говорит в дневнике о литературном творчестве, о нравственном облике писателя, — значительно.

Смуул услыхал однажды поразившее его выражение: «болевой порог». Этот термин употребил врач. Но писатель считает, что медицина не исчерпывает этого понятия. Такой порог служит в значительной степени мерой национального отношения к окружающему — активного или пассивного. Высота этого порога бывает различной, достигая крайней высокого предела у людей равнодушных, холодных эгоистов. «У нас, писателей, — пишет Смуул, — болевой порог должен быть низким по отношению ко всему вокруг, что болит и вызывает боль. Хорошо, если людские горести мучат нас, прорываются нам бесприятственно, становятся частью нас самих, скрепут по нашим сердцам. Тогда мы, правда, скорее изнашиваемся, раньше седеем, тогда нашей жизни нет полного покоя, но жить иначе нет силы». От души!

Но пусть не обрадуют эти слова коллекционера жизненных неурядиц, взывающего о «свободе творчества» и что шепчущего о болезненном критиковать недостатки нашего общества. Все, что Смуул говорит о «болевом пороге», не оставляет никакого сомнения в утверждающем пафосе его мыслей. С едкой усмешкой издается Смуул над человеком, который зарабатывает свой наущенный хлеб «проложиванием грязи», смотрит на наши недостатки, как на средство своего существования, или ра-

Что произошло в Ганновере

...Выпавший за ночь первый снег покрыл склоны Тюрингенского леса; за несколько часов гора Ильзенберг и лыжный тральщик на Зимберге нарядились в белоснежный зимний убор. Но жители Броттероде едва замечали все это. Их переполняла скроть: они провожали в последний путь одного из своих лучших сограждан...

Так пишет газета «Берлинер цайтунг» о похоронах передового рабочего-металлического Ото Крамана, убитого фашистским сбродом в Ганновере.

Во время отпуска Краман вместе с женой поехал из Германской Демократической Республики в Западную Германию — в Ганновер посетить сестру и зятя. Там Краман вместе с зятем Гельмутом Бернером зашли однажды в трактир «У горного козла» выпить по кружке пива. Этот трактир — место встречи фашистских элементов. Его владелец принадлежал в свое время к супосто-немецким нацистам из банды Геннеина. Едва ничего не подозревавшие Краман и Бернер переступили порог, как засвистели трактира с явно провокационной целью вовлекли их в беседу на политические темы.

Краман, верный сын социалистической республики, с достоинством защищал ГДР от нападок фашистов. Тогда разъяренная банда набросилась на них. Сигнал к нападению дал хозяин трактира. Он выстрелил в лицо Бернера из пистолета, заряженного слезоточивым газом. Зверское избиение началось в трактире, а затем продолжалось на улице.

Доставленный в больницу Краман скончался. На следующий день его жена была вызвана полицию, где убитой горем женщины предложили умолчать об обстоятельствах гибели мужа и... изменить свою социалистическую родину, оставить в Западной Германии. За это ей были обещаны квартира и пожизненная пенсия. Жена Крамана с негодованием отвергла гнусное предложение и возвратилась с труппом в ГДР.

Западногерманская полиция постаралась затушевать политический характер убийства Крамана и выдать его за обычную трактирную драку. Врачебному персоналу больницы запретили давать какую-либо информацию корреспондентам. Подпись на сенсации буржуазной прессы не имела обоснования.

Великогерманская полиция постаралась затушевать политический характер убийства Крамана и выдать его за обычную трактирную драку. Врачебному персоналу больницы запретили давать какую-либо информацию корреспондентам. Подпись на сенсации буржуазной прессы не имела обоснования.

Следом трактирик, торговец аптекарскими товарами, хотел отдать по показаниям полиции. Трактирик безнаказанно пригрозил ему: «Следующая снег — за твой! «Чевиццы, наблюдавшие инцидент, боятся дать показания», — сообщает «Ганновер рундштадт». — Чего же бояться? — спрашивает газета и в ответ приводит слова местных жителей: «Мы не хотим, чтобы и с нами так же разделялись».

«След в ти» — по делу об убийстве Ото Крамана находится в руках ганноверского прокурора Вильгельма Ландвера. Это — очредное глумление над правосудием, ибо Ландвер — военный преступник. В списке фашистских судей, и по сей день находящихся на службе у Бонна, он фигурирует под № 659. Он — бывший подполковник юстиции гитлеровской армии и сподвижник пролившегося зверствами в Дании генерала-майора Кантера — судьи верховного военного трибунала вермахта. Недаром в приказе от 14 сентября 1942 года назначением Ландвера Гитлер считал нужным подчеркнуть, что он пользуется его особым доверием и покровительством.

Злодейское убийство в Ганновере — результат разнудзанной трагедии ГДР правящими кругами Германии. Преступление вызвало бурю негодования не только в ГДР. Голос возмущения раздается и в Западной Германии. «Это факт, — гласит опубликованное газетой «Дюссельдорфер нахрихтен» одно из многих писем читателей, противостоящих против расправы в Ганновере, — что гражданин из ГДР убит только за то, что он осмелился публично высказать свое мнение в трактире. Как вы думаете, что написали бы западногерманские газеты, если бы это произошло, скажем, с гражданином ФРГ в Восточном Берлине? Это скандал, который ничем не возможно оправдать...»

Кровь рабочего, павшего от руки распоясавшихся фашистских бандитов, не оставляет и следа от демократического гигиена. Кровь превосходно изданы и оформлены. Особенно богаты и красочны отдел искусства и архитектуры, отдел детской книги.

Выставка английской книги безусловно послужит делу дальнейшего укрепления культурных связей между нашими странами. Об этом свидетельствуют искренние, сердечные слова, оставленные посетителями в книге отзывов.

Я помню Юрия Либединского в годы

Юрий Либединский

24 ноября на 61-м году жизни скончался Юрий Николаевич Либединский, член КПСС с 1920 года, старейший советский писатель, один из зачинателей советской литературы.

Ю. Либединский пришел в литературу в начале 20-х годов, имея за плечами опыт участия в гражданской войне, политработы среди бывших солдат белой армии, а затем на политических курсах в Высшей военной школе связи. На основе этого богатого жизненного опыта и созданы были первые его повести «Неделя» (1922 г.) и «Комиссары» (1925 г.).

После гражданской войны Ю. Либединский работает токарем, редактором газеты, руководителем кружков политпросвещения на московских и ленинградских заводах. В качестве корреспондента «Правды» Ю. Либединский выезжает на Сталинградский тракторный завод. Эта оперативная журналистская работа дала писателю материала для очерка-портрета «Петя Городенко».

После гражданской войны Ю. Либединский работает токарем, редактором газеты, руководителем кружков политпросвещения на московских и ленинградских заводах. В качестве корреспондента «Правды» Ю. Либединский выезжает на Сталинградский тракторный завод. Эта оперативная журналистская работа дала писателю материала для очерка-портрета «Петя Городенко».

После гражданской войны Ю. Либединский работает токарем, редактором газеты, руководителем кружков политпросвещения на московских и ленинградских заводах. В качестве корреспондента «Правды» Ю. Либединский выезжает на Сталинградский тракторный завод. Эта оперативная журналистская работа дала писателю материала для очерка-портрета «Петя Городенко».

После гражданской войны Ю. Либединский работает токарем, редактором газеты, руководителем кружков политпросвещения на московских и ленинградских заводах. В качестве корреспондента «Правды» Ю. Либединский выезжает на Сталинградский тракторный завод. Эта оперативная журналистская работа дала писателю материала для очерка-портрета «Петя Городенко».

После гражданской войны Ю. Либединский работает токарем, редактором газеты, руководителем кружков политпросвещения на московских и ленинградских заводах. В качестве корреспондента «Правды» Ю. Либединский выезжает на Сталинградский тракторный завод. Эта оперативная журналистская работа дала писателю материала для очерка-портрета «Петя Городенко».

После гражданской войны Ю. Либединский работает токарем, редактором газеты, руководителем кружков политпросвещения на московских и ленинградских заводах. В качестве корреспондента «Правды» Ю. Либединский выезжает на Сталинградский тракторный завод. Эта оперативная журналистская работа дала писателю материала для очерка-портрета «Петя Городенко».

После гражданской войны Ю. Либединский работает токарем, редактором газеты, руководителем кружков политпросвещения на московских и ленинградских заводах. В качестве корреспондента «Правды» Ю. Либединский выезжает на Сталинградский тракторный завод. Эта оперативная журналистская работа дала писателю материала для очерка-портрета «Петя Городенко».

После гражданской войны Ю. Либединский работает токарем, редактором газеты, руководителем кружков политпросвещения на московских и ленинградских заводах. В качестве корреспондента «Правды» Ю. Либединский выезжает на Сталинградский тракторный завод. Эта оперативная журналистская работа дала писателю материала для очерка-портрета «Петя Городенко».

После гражданской войны Ю. Либединский работает токарем, редактором газеты, руководителем кружков политпросвещения на московских и